

Притворившийся мертвым Цзюньсяо с громким «Ау!» вскочил на ноги, оживленно запрыгав, с радостью схватил нефритовую подвеску и побежал обратно в Чертог Юньфу, не переставая оглядываться на Юй Сяня:

— Прадедушка, жди! Когда-нибудь я тоже смогу свободно проходить через это запретное заклятие! А еще, остатки вина из твоего кувшина я вылил в миску с молоком младшей сестры.

Юй Сянь промолчал.

Вечером, вернувшись после выполнения дел, Бай Линчэнь, увидев трех своих учеников с грязными головами, почувствовал, что его жизнь, вероятно, сократится. Обычно спокойный и послушный У Нань был покрыт грязью, как будто вывалился в ней. Шэнь Хань, которая только научилась ходить, стояла неустойчиво, с беззубой улыбкой, щеки ее пылали румянцем опьянения, и она смеялась с глупым видом. Последний, как палка, играл с нефритовой подвеской, с растрепанными волосами и двумя заметными струйками крови из носа.

С тех пор как он принял трех личных учеников, в некогда тихом Чертоге Юньфу не осталось ни одного спокойного дня.

Независимо от того, откуда взялся этот ученик, который свалился с неба, факт, что он сильнее, чем нынешний глава Врат Хэнтянь, был неоспорим. Поэтому, имея поддержку Хо Цзюньсяо, Бай Кэ не испытывал страха перед этим, казалось бы, величественным главой.

Кроме того, он мало что знал о практике совершенствования, в отличие от Хун Сяня и Линь Цзе, он не испытывал прямого давления из-за разницы в уровне и силе.

Таким образом, когда двое рядом с ним слегка струсили, Бай Кэ по-прежнему стоял с прямой спиной, демонстрируя бесстрашие невежественного человека.

Глава поднял веки и взглянул на Бай Кэ, осмотрев его с головы до ног, затем перевел взгляд на Хун Сяня:

— Младший брат, это тот ученик, которого ты недавно принял?

— Да, — Хун Сянь сделал поклон, затем, встав, начал говорить с открытой ложью. — Старший брат, ты сам можешь увидеть, что у этого парня хороший потенциал и талант, он перспективный ученик. Единственное, что жаль, — он немного старше.

Зная подоплеку, Бай Кэ мысленно усмехнулся: «Если я стар, то вам давно пора быть похороненными».

— Хм, — Глава, услышав слова Хун Сяня, полуприкрыл глаза, словно действительно размышляя, стоит ли принимать Бай Кэ в ученики.

Настоящий мастер актерского искусства.

Бай Кэ подумал, что эти люди просто растрачивают таланты, не снимая фильмы. Как говорили его друзья — у них даже есть встроенные спецэффекты.

Подумав некоторое время, глава подошел к Бай Кэ:

— Слепой?

Его голос был очень характерным, глубоким и с легкой гнусавостью, что не соответствовало

его холодной внешности.

Бай Кэ почувствовал, что этот человек от макушки до пят излучает неприятную неловкость.

Выделив два главных недостатка Бай Кэ — его возраст и слепоту, глава естественно обошел его несколько раз, осматривая спереди и сзади, словно ища причину, по которой этого ученика стоит принять.

Но Бай Кэ, Линь Цзе и Хо Цзюньсяо, который вместе с Бай Цзысюем скрывался поблизости, прекрасно знали, что это всего лишь предлог, чтобы рассмотреть родинку на затылке Бай Кэ.

Глава, считая, что незаметно увидел то, что хотел, вернулся к статуе и, стоя спиной ко всем, поднял голову, чтобы взглянуть на нее, и спросил Бай Кэ:

— Почему ты хочешь вступить в наши Врата Хэнтянь?

«Потому что два твоих ученика, которым нечем заняться, посадили что-то мне в шею».

Бай Кэ подумал так, но вслух сказал спокойно:

— Я слышал, что правильная практика может вылечить мои глаза.

Хун Сянь, стоящий рядом, усмехнулся с легкой насмешкой, вероятно, считая, что Бай Кэ слишком ограничен в своих стремлениях, как обычный смертный.

Глава же, услышав эти слова, надолго замолчал, затем повернулся к Бай Кэ, взглянул на Линь Цзе и сказал:

— Ты привел его, ты уже давно вступил, так что найди ему свободную комнату рядом с твоим двором. Все занятия и их темп тоже организуешь ты. Однако он вступил слишком поздно, поэтому я прикажу ежедневно давать ему духовные пилюли для поддержки. Кроме того, каждый день в часы Цзы и У веди его к пруду Саньцин, это поможет восстановлению его зрения.

Линь Цзе промолчал.

Внезапно появился младший брат, и это здорово!

К сожалению, это не правда.

Отдав приказы, глава махнул рукой, давая понять, что Линь Цзе может убираться.

Линь Цзе, получив указание, взял Бай Кэ и повернулся, чтобы выйти из зала, но, сделав два шага, оглянулся на Хун Сяня.

Хун Сянь с отвращением произнес:

— Иди, иди, у меня со старшим братом есть важные дела!

Таким образом, Бай Кэ и Линь Цзе покорно вышли из зала и направились к восточной лестнице, когда их тела внезапно замерли, и что-то холодное, похожее на ледяную ткань, накрыло их с головы до ног, заставив обоих невольно вздрогнуть.

Вздрогнув, Бай Кэ обнаружил, что Цзюньсяо и Бай Цзысюй, которые до этого скрывались,

теперь стоят перед ним как ни в чем не бывало.

— Что...

Он хотел спросить, что происходит, но тут на лестнице появилась черная голова с пучком волос, и маленький ученик, поднимаясь с горы с несколькими свитками в руках, быстро пробежал мимо них, не обращая на них внимания.

Так что их тоже сделали невидимыми?

Цзюньсяо ничего не сказал, просто шевельнул пальцами, и Бай Кэ почувствовал, как его обхватили за талию. Прежде чем он успел отреагировать, Цзюньсяо взмахнул рукой, и все четверо оказались в зале, как раз справа от высокого пьедестала с нефритовой статуей.

Они находились всего в двух шагах от Хун Сяня и главы Врат Хэнтянь, которые стояли в центре зала и разговаривали.

Бай Кэ не проявил особой реакции, Бай Цзысуй выглядел даже заинтересованным и развлеченным.

Только Линь Цзе, беззвучно сглотнув, с выражением готовности к смерти, широко раскрыл глаза, глядя на разговаривающих, и мысленно закричал: «Господи, если нас поймают, меня точно убьют! Неужели нельзя без такого экстрима? Черт возьми, как же волнительно!»

Теперь он еще больше осознал силу Хо Цзюньсяо — скрыть четверых людей перед главой и старшим братом, не будучи обнаруженным, было нелегко.

Однако он все же немного беспокоился. И Хо Цзюньсяо, и глава были для него звездами на небе, слишком далекими. Сравнить расстояние между двумя звездами он не мог. Поэтому он знал только, что Цзюньсяо был сильнее главы, но насколько — немного или значительно — он не мог сказать.

Если разница была невелика, то малейшая ошибка могла привести к их разоблачению. В таком случае Цзюньсяо, имея при себе одного новичка и двух профанов, должен был бы прорваться через окружение главы, старшего брата и множества учеников, чтобы выбраться... Мысль об этом казалась безумной.

В этот момент Бай Кэ и Бай Цзысуй снова показали, что значит «невежество — это сила».

Они спокойно стояли, с похожими позами и выражениями, словно не подслушивали тайный разговор великих, а наблюдали за двумя длинноволосыми обезьянами, исполняющими представление, и не хватало только аплодисментов.

В каком-то смысле эта парочка была одинаково раздражающей.

И эти две «длинноволосые обезьяны» в приличных даосских одеждах действительно оправдали их ожидания, начав представление, которое они хотели увидеть.

Хун Сянь подошел к главе, его голос был тихим, но выражение лица крайне возбужденным:

— Ну как, я же говорил? Наконец-то мы нашли подходящего.

Его брови поднялись так высоко, что, казалось, вот-вот взлетят с лица.

Глава был намного выше его, стоял с руками за спиной, выражение лица оставалось прежним, глаза безжизненными, но с едва заметной улыбкой:

— Действительно, пилюля Семи Звезд осталась в его теле целую ночь, и он не взорвался. Пока что он единственный.

Эти слова мгновенно изменили выражение лиц четверых подслушивающих.

Линь Цзе побледнел. Бай Кэ нахмурился, прикоснувшись к родинке на затылке, больше удивляясь, чем пугаясь. Даже Бай Цзысуй стал серьезным.

Но самым мрачным и разгневанным был Хо Цзюньсяо.

<http://bllate.org/book/16844/1549895>